

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы

Вильгельм Прюллер

СОЛДАТ НА ВОЙНЕ

**ФРОНТОВЫЕ ХРОНИКИ
ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТА ВЕРМАХТА**

1939—1945

За линией фронта. Мемуары

Вильгельм Прюллер

**Солдат на войне. Фронтовые
хроники обер-лейтенанта
вермахта. 1939 – 1945**

«Центрполиграф»

УДК 94"1939/1945"

ББК 63.3(0)62

Прюллер В.

Солдат на войне. Фронтовые хроники обер-лейтенанта вермахта. 1939 – 1945 / В. Прюллер — «Центрполиграф», — (За линией фронта. Мемуары)

ISBN 978-5-9524-5201-5

Солдат вермахта Вильгельм Прюллер аккуратно заносил в дневник свои впечатления о происходящих событиях на фронте с того момента, как перешел польскую границу, вплоть до окончания войны. Он описывает, как воевал в Польше, во Франции, на Балканском полуострове, в России, а затем шагал по Европе в обратном направлении. Сообщая подробности боевых действий, автор большое внимание уделял солдатскому быту, с немецкой тщательностью описывая, что он и его бойцы ели, где спали, как проводили досуг. С особым упоением и восторгом Прюллер рассказывает о том, как по радио слушал речи нацистских руководителей и до самого конца войны верил в «справедливую» победу германского оружия. Хроники Прюллера – поразительное свидетельство того, насколько эффективно работала пропагандистская кампания Третьего рейха, как успешно она завладевала умами и сердцами обычных людей, обращая самое лучшее в человеке на службу самому худшему.

УДК 94"1939/1945"

ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-9524-5201-5

© Прюллер В.
© Центрполиграф

Содержание

Об этой книге	6
Предисловие	7
Часть первая	9
30 августа 1939 г	9
1 сентября 1939 г	10
2 сентября 1939 г	12
3 сентября 1939 г	13
4 сентября 1939 г	14
5 сентября 1939 г	15
6 сентября 1939 г	16
7 сентября 1939 г	18
8 сентября 1939 г	19
10 сентября 1939 г	20
11 сентября 1939 г	21
12 сентября 1939 г	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Вильгельм Прюллер

Солдат на войне

Фронтовые хроники обер-лейтенанта вермахта

Об этой книге

Этот дневник написан во время Второй мировой войны солдатом вермахта, нацистом по убеждениям, воевавшим на передовой. Документ представляет собой один из самых поразительных частных воспоминаний, сохранившихся с военных времен. Более чем какая-либо другая книга, он раскрывает то, насколько обычный немец был причастен ко всем тем зверствам, что были связаны с учением нацизма. Он в новом свете показывает все те противоречия, которые характерны для вопроса о вине немцев, что сегодня обсуждается по всему миру. Книга является поразительным неопровержимым свидетельством того, что в военно-бюрократической тоталитарной машине такие люди, как Вильгельм Прюллер и Адольф Эйхман, не были просто мелкими бездумными механизмами. Их самоотверженность и верность питали эту машину и заставляли ее функционировать в течение более чем десятилетия.

Но если Вильгельм Прюллер не является просто невинным посторонним, как многие немцы сейчас утверждают о себе в период с 1939 по 1945 г., то он не принадлежит и к числу тех карикатурных персонажей, что рисовала наша собственная военная пропаганда. Напротив, это умный, обаятельный, высоконравственный молодой человек, добрый католик, преданный и храбрый солдат, верный супруг и любящий отец. И все это, разумеется, делает дневник еще более страшным. То есть читатель становится свидетелем процесса, который переворачивает с ног на голову любую нравственность и мораль после того, как человек принимает расистское мировоззрение, процесса, когда все, что является характерным для человека, превращается в свою противоположность, становится в высшей степени бесчеловечным.

Помимо того что документ имеет огромное значение с моральной и общественной точки зрения, его можно рассматривать и с совершенно другой позиции. Для военных историков он так же интересен, как и «Дневник тихоокеанской войны» Джеймса Фейхи.

Однако читатель, скорее всего, с содроганием и ужасом воспримет те страницы дневника, где описывается, как добропорядочный и богобоязненный представитель рода человеческого охотно и даже с энтузиазмом воспринимает самые худшие эксцессы в идеологии и ее реализации на практике, характерные для нацизма. Одновременно с интимными посланиями жене и детям самого нежного свойства, что не может не трогать, Прюллер не моргнув глазом может записать, как, когда он случайно столкнулся с двумя немецкими солдатами, на которых напали взбунтовавшиеся военнопленные-негры, «мы отсчитали двадцать негров и расстреляли их на месте».

Публикация дневника Вильгельма Прюллера является жизненно важным событием в свете того, что он подробно затрагивает не только менталитет наци, но и психику немца как такового.

Предисловие

На памяти каждого немецкого мужчины старшего возраста этот народ дважды был сокрушен союзом самых мощных в мире держав, хотя дважды находился почти на пороге победы. Во время второй попытки, при Адольфе Гитлере, нацистская Германия не только шагнула дальше в своих завоеваниях и приблизилась к окончательной победе, чем это было при Германской империи кайзера Вильгельма II, но и обрушила на мир зверства, по сравнению с которыми даже тусклые шпоры кайзера сверкают во всем рыцарском блеске.

Как это могло произойти? – спрашиваем мы себя.

И почему случилось именно так?

Некоторые из ответов на это можно найти в данной книге. Это не значит, что в дневнике германского солдата читатель найдет карикатурный образ немца, каким его рисует наша пропаганда, – напыщенного, грубого тевтона с садистскими и одновременно рабскими наклонностями. Напротив, здесь он откроет для себя как раз те человеческие качества, которые при чересчур усердной службе в интересах нацистского зверя превращаются в свою противоположность.

Здесь представлен дневник Вильгельма Прюллера, прирожденного писателя, способного с покоряющей ясностью изложить свои впечатления от того, что с ним происходило после того, как он перешел польскую границу в первый день войны, о том, как он позже участвовал в битве за Францию, в войне на Балканском полуострове и, наконец, в России со дня вторжения и до самого ее кровавого конца. Здесь же перед нами предстает молодой новобранец из Вены, пылкий и убежденный нацист. В этом качестве он позволяет понять, насколько полно нацистские лозунги сумели завладеть умами и сердцами самых обычных людей, ставших последователями Гитлера. Создается впечатление, что Вильгельм Прюллер и ему подобные жаждали нацизма до того, как он пришел, будто, если бы этого не произошло, им самим пришлось бы изобрести его. Для сердца Прюллера вся жестокость и все предметы гордости нацизма – восторг и восхищение. В своем дневнике он, как попугай, повторяет речи своего *Der Führer*. Он пытается прямо поучать Черчилля и Даладье, угрожает карами заблудшим народам, не принявшим идеи нацизма, втоптывает «низшие народы» в грязь под своими ногами, пытается замазать разбитые сердца военных вдов клейкой массой сверхпатриотизма. В конце, когда армии «низших народов» буквально разрывают немецкий вермахт в клочья, он продолжает крутить заезженную пластинку расового превосходства. Он похож на человека, который, падая после удара своего противника, вопит: «Я одержал верх над тобой!»

И вместе с тем наци-автомат, каким предстает перед нами Вильгельм Прюллер, является превосходным солдатом. Он явился настолько же типичным представителем германского вермахта, как персонажи карикатуриста Билла Молдина Вилли и Джо являлись типичными представителями американских вооруженных сил.

И в то же время он отличается от них.

В этом заключается привлекательность данной книги. Вильгельм Прюллер ни капли не похож на американских солдат. Разумеется, он так же переживает все лишения войны, он так же и сам страдает. Любой из тех, кому довелось побывать в бою, почувствует такую же сухость в глотке, лежа в окопе и наблюдая за приближающимся чудовищем – советским танком. Но Прюллер никогда не думает и не действует так же, как они.

Прежде всего, Вильгельм Прюллер и большинство из его «камераден» все происходящее всегда воспринимают очень серьезно. Прюллер так часто повторяет в своем дневнике словосочетание «*Der Führer, Volk und Vaterland*» («Фюрер, народ и отечество». – *Пер.*), что заставляет легкомысленного американского солдата-пехотинца краснеть, когда тот читает это. Прюллер и сам, скорее всего, пришел бы в бешенство, если бы услышал, как старый добрый девиз корпуса

морской пехоты США *Semper Fidelis* («Всегда верный») ее представители шутливо переиначивают: «Я попал в яму, а ты как выбрался?» В этом и разница. Еще будучи призывниками, Прюллер и его товарищи уже мыслили как кадровые солдаты. Более того, у них уже была цель. Они верили в славное предназначение Германии, в данном случае – нацистской Германии, – и готовы были идти на жертвы ради этого. Они даже считали смерть всего лишь одним из факторов солдатской жизни. Такая цель, особенно если она обманчива и в основе ее лежат идеологические заблуждения, чаще всего приводит к тому, что называется «слепым фанатизмом». К сожалению, американец, который видит, как кто-то, движимый этой целью, нацелился ему в грудь штыком, не в состоянии переубедить оппонента силой ярких эпитетов.

Военный профессионализм, когда он сочетается с романтической целью, пусть и зловещей, является самой мощной силой. Наблюдая одним глазом за некоторыми нашими новыми врагами, мы должны сделать для себя выводы из этого дневника: мы должны понять, как самое лучшее, что есть в человеке, может быть брошено на службу самому худшему.

Часть первая Польская кампания

30 августа 1939 г

В этом дневнике я попытаюсь описать, моя дорогая любимая Хенни, все то, что происходит со мной и с моим подразделением. Я расскажу тебе и обо всем том, что ты должна знать обо мне.

Лично я думаю, что польская проблема разрешится мирным путем: возможно, Даладьё в последний момент возьмет на себя функции посредника. Но если все и в самом деле идет к войне, я уверен, что она не продлится долго. Ведь поляки не смогут противостоять нашему натиску.

А как Англия и Франция смогут выполнить свои обязательства оказать помощь Польше? Западный вал¹ непреодолим. Франция там лишь напрасно будет приносить в жертву своих сыновей. А Англия может лишь ринуться помогать полякам морем. Балтика нами надежно перекрыта. Гибралтар запрут с моря Италия и Испания. Единственной державой, способной помочь полякам, является Советский Союз. Но блестящий стратегический ход разбил и эту надежду поляков.

Возможно, Советский Союз направит Польше ультиматум и потребует от нее то, на что [Россия] имеет права вот уже несколько столетий.

Не важно. Ситуация для нас в высшей степени благоприятная, и теперь уже представляется немыслимым, что мы, великая европейская держава, станем просто сидеть и наблюдать, ничего не предпринимая, за тем, как преследуют фольксдойче. Наш долг – исправить эту несправедливость, о чем взывают к небесам. Но тем не менее все мы знаем, что фюрер сделает все, чтобы избежать войны.

¹ Иначе линия Зигфрида – система долговременных укреплений, сооруженных в 1935–1939 гг. вдоль западных границ Германии от Нидерландов до Швейцарии (от Клеве до Базеля). Общая протяженность около 500 км, средняя глубина 35–75 км, в центре 100 км и более. Однако к началу Польской кампании (1 сентября) здесь находилась всего 31 немецкая дивизия, к 10 сентября – 43 дивизии, все пехотные, тогда как только Франция, осуществившая еще до начала войны скрытую мобилизацию, к 10 сентября имела около 90 соединений, развернутых у границы с Германией, около 2 тысяч танков (у немцев здесь их почти не было), подавляющее превосходство в артиллерии и авиации. Однако союзники, отчасти поверив нацистской пропаганде о «неприступности» Западного вала, предпочли безучастно наблюдать за разгромом польской армии. (*Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. ред.*)

1 сентября 1939 г

Сейчас 4 часа утра. Мы находимся примерно в трех километрах от границы и уже готовы выступить.

Поляки не удовлетворили наши справедливые требования. Планируется, что мы перейдем границу в 5.45.

Наша часть находится в резерве. Примерно в сотне метров от нас располагается большое предприятие по переработке нефти, получению бензина или производству вооружений. Одна граната... и оно будет в наших руках.

Еще всего лишь четверть часа. Скорее бы окончилось это ожидание. Только бы что-то начало происходить. Тем или иным образом.

На неделю нас разместили в пустующем здании школы. Ожидание, ожидание. Мы не спали ночами. А самым худшим было то, что нам не разрешали писать домой. Ужасно. Мы не сможем писать до 4 сентября.

Нам только что заплатили. Сто чешских крон. Шутка. Через два часа нас, может быть, вообще не будет на этом свете. Но имея 100 крон в карманах. И не имея возможности послать домой последнюю весточку, в то время как наши любимые ждут от нас новостей.

В голове по кругу ходят одни и те же мысли, как будто там вращаются огромные жернова. Все висит на волоске.

И чувство, что мы испытываем на этом месте – боль, когда начинаешь думать о доме. И в то же время самые прекрасные мысли о том, что нужно честно выполнить свой долг, как надлежит настоящему мужчине!

Моя дорогая Хенни! Я не знаю, как долго все это продлится. Я хотел бы сказать тебе что-нибудь красивое: ты была единственной женщиной, которую я любил. И если позволит Бог и я вернусь домой, то знаю одну вещь: пока я жив, ты будешь единственной, кого я люблю. До того, как я увидел тебя, – да, были и другие, но это не было любовью. Ты заставила меня это понять. Я мог бы начать с Бюргерхалле, я мог бы говорить о твоём первом отпуске, о моем отъезде из Берлина и о моем возвращении. Я мог бы вспомнить нашу свадьбу и мой призыв... но все это было бы неполным, если бы я не думал о нашей Лоре. Позаботься о ней получше, об этом маленьком создании. Сделай ее сильной, чтобы однажды она сумела обойти все пропасти в своей жизни. И рассказывай ей иногда обо мне, если случится так, что...

Вы обе вселяете в меня надежду, сейчас и в ближайшие часы.

И передай мой сердечный привет своей матери. Она была для меня идеалом, эта чудесная женщина. И моим родителям, особенно отцу. И всем остальным, для кого это что-то значит. Конечно, твоему отцу тоже.

И еще кое-что для тебя: будь мне такой же женой, какой была всегда, верь, что я люблю только тебя, что я живу только для тебя. Я не прошу тебя ни о чем. Только о том, что ты станешь думать обо мне почаще. И знай, что в своей жизни я только исполнял свой долг и ничего, кроме моего долга. И будь счастлива, даже если случится несчастье и мне придется умирать.

6.20. Первая новость: наши войска продвинулись в глубь Польши на 5 км. Взяли первый населенный пункт. С польской стороны не последовало ни одного выстрела.

6.45. Мы идем вперед.

7.30. Поляки попытались контратаковать с использованием танков. Они были разгромлены и вынуждены спасаться бегством. Отступая, они сожгли шесть деревень.

Наша часть пока не пересекла границу, в то время как многие наши соединения уже углубились на территорию Польши на 6 км. Только что начался дождь. Я завернул свой МГ в шерстяное одеяло; это может спасти наши жизни. Справа находятся горы Татры, а впереди нас – горящая деревня.

Мы вышли к границе.

Это просто чудесное чувство – в наши дни быть немцем. За нами наступают артиллерия, танки, разведывательные бронемашины, сотни боевых машин. Все это прикрывают зенитки.

Мы все еще на границе. Колонне танков не видно конца. Вот уже четверть часа – танки, танки, танки... Дождь прекратился. Все, кто едет в нашей машине, возбуждены. Семь солдат и унтер-офицер, все мы хотим быть в Польше... 9 часов. Идем вперед прогулочным шагом. Пройдешь несколько метров, а потом – ждать и снова ждать... Только что узнал, что мы заняли Данциг.

9.45. Мы перешли границу. Мы в Польше. «Дойчланд, дойчланд юбер аллес!» («Германия превыше всего!»)

До Кракова 103 км. Повсюду видны развороченные дороги, поспешно оставленные противником окопы, противотанковые заграждения. Из-за взорванных мостов нам приходится совершать долгие маневры в обход через поля. Мы проехали через первый населенный пункт. Люди протягивают нам в машину цветы. Они радостно тянут руки в нашу сторону. Взорванные мосты и завалы на улицах, как и прежде, замедляют наше продвижение вперед. Но как оказалось, все усилия поляков были напрасны. Германский вермахт на марше! Если посмотреть обратно или перед собой, направо или налево, повсюду движутся моторизованные части вермахта!

Неожиданная остановка! Противник впереди нас. Мне приказано захватить свое отделение с пулеметом и действовать в передовом дозоре. Примерно полтора километра вверх по холму. Ха! В нас стреляют справа. Впервые! Пулеметные очереди, которые не достали нас. Затем – тишина. Наша машина взбирается на холм. Мы возвращаемся в эскадрон (роту) и покидаем грузовики.

Мы идем в атаку. Сейчас ужасно жарко. Боевая экипировка. Пулемет MG весом 13,5 кг на спине. Один, три, пять километров, еще, еще... Больше мы не можем идти. Но километры преодолены. Никто не может идти дальше. Нет ни воды, ни кофе, ни чая. Вперед пешком, потом бегом, снова бегом. Хальт! Мы дошли до противотанкового орудия (Pak) и остановились отдохнуть перед группой из нескольких домов. У дверей сидит семья. Все они плачут. Но мы же никому не причиняем вреда! Почему польское правительство не объявляет о сдаче? Мы ничего не имеем против самих этих людей. Но где наши права? Нам предлагают воду и молоко. Мы отказались, потому что так надо. Но эта жажда просто невыносима!

Наша артиллерия снова открывает огонь. При каждом выстреле поляки вздрагивают. Мы продолжаем идти вперед под звуки артиллерийской стрельбы. Сейчас 16.45. Мы шли всего три часа и прошли 10 км. Я надеюсь, что мы останемся здесь. Это всего лишь деревушка. Но здесь должна быть пивная. А там мы найдем что-нибудь попить. Мимо проходит Бланк, который уже успел где-то раздобыть бутылку пива. Это последняя. Он бросает ее мне. Но это пиво невозможно пить. Как будто его специально нагревали.

Время 17.30. Я так устал, что вот-вот свалюсь с ног. Ноги ноют. С самого утра я на ногах. И только одно поддерживало меня сегодня – мысль о том, когда мы снова увидимся. Я все еще жив, и у меня есть ты и Лоре. Мы вместе!

2 сентября 1939 г

Вчера в 9 вечера все прекратилось. Мы остановились на ночлег под открытым небом. На ужин был суп из свинины и чай. Я так устал, что сразу же заснул. А потом нас разбудили и отправили в дозор. Где-то идет стрельба. Нам приказали узнать, что происходит. В течение полутора часов мы рыскали по окрестностям. Ничего. Я думаю, что все это проделки гражданского населения. В 1 час ночи мне снова удалось заснуть. В 5 часов утра нас разбудили, и мы снова оказались на марше. Пешком. Мы не можем двигаться на грузовиках, так как ожидаем появления противника.

7.30. Мы на отдыхе. Совсем нет воды: ни попить, ни умыться. Кончились сигареты, и, конечно, купить их негде. Может быть, завтра подвезут. В 3.00 ночи наша артиллерия начала стрелять, и этот грохот раздавался в течение полных четырех часов.

14.00. Мы поднялись на большой холм. Это заняло несколько часов. Впереди гремят орудия, раздаются пулеметные очереди. Последние часы они находятся под огнем нашей артиллерии и полевых минометов, но и не собираются сдаваться.

Мы лежим в лесу в готовности. Перестук винтовочных выстрелов. Нам сказали, что сзади по нам стреляют пятеро гражданских. Я и еще двое пошли туда, и через несколько минут те пятеро получили свое.

14.30. Первый польский разведывательный самолет. Он сделал по нам несколько выстрелов и исчез. Наши зенитчики видели его, стреляли по нему и, надеюсь, попали. Похоже, поляки хорошо окопались, но наша артиллерия расчищает нам дорогу. Через деревни и холмы, через горящие поселки мы продолжаем наступать. Мы захватили с собой несколько гражданских, которые переносят для нас тяжести. Пушки все еще грохочут. 5.00. Убит первый наш солдат, он служил в 7-м эскадроне. Мы идем вперед, бой продолжается. Сегодня мы свернулись рано. Мы лежим на земле. Естественно. До 11.30 ночи не было никакой еды. Только чай и сигареты! Пятнадцать штук! А потом спать, спать. Сегодня я все еще жив, как и вы с Лоре! Все мы!

3 сентября 1939 г

Мы поднялись в 6 утра, еще более уставшие, чем вчера. Сегодня первая годовщина нашей свадьбы! Как отпраздновать ее? Я – в лесу, в готовности атаковать. Ты – думаешь обо мне, не знаешь, где я. Печально, не правда ли? Но с этим ничего не поделаешь, ведь так? Это война! А что такое война? Это – совокупность жертв и лишений, жажды и даже голода, жары и холода. Надеюсь, скоро это закончится.

В моих мыслях я возвращаюсь на год назад. И думаю и думаю... Надеюсь, атака закончится для меня благополучно.

Атаку отменили: что случилось?

11.00. Говорят, что фюрер предъявил полякам ультиматум, предложив им уступить нам земли, которые мы заняли. Если от них не последует положительного ответа, в 12.00 в воздух поднимутся 2000 наших самолетов, которые в 12.01 уничтожат их города и поселки. Это будет означать практически конец Польши. Поляки должны согласиться.

11.15. Царит оживление. Появились польские самолеты, которые начали нас обстреливать, вступили в бой наши зенитки. Один, два, три самолета – все они были сбиты. В 11.30 мы готовимся совершить марш на Краков. Предполагается, что это будет форсированный марш. Возможно, это связано с ультиматумом. Возможно, уже сегодня с Польшей будет покончено.²

Мы захватили с собой свинью.³ Чертовски трудно было ее загрузить. Возможно, есть ее мы будем уже в Кракове.

12.45. Выезд. В 13.00 нас атаковали пять польских самолетов. Три из них были сбиты. 13.30. Выстрелы из кустов. Полчаса ожидания. В 18.00 мы выгрузились из грузовиков и приготвились к бою. Не думаю, что сегодня на самом деле будет бой. Вероятно, мы останемся на этих позициях, а завтра с утра будем атаковать.

Услышали еще одну новость. К полуночи, если война не закончится, в наступление перейдут Россия и Латвия.⁴ Это станет решительным шагом. Атаку отменили. Сегодня с самого утра я ничего не ел и не пил. Но сегодня я все еще жив, и ты с Лоре тоже. Все мы!

² В немецком оригинале слова «Vielleicht ist Polen heute schon verloren» являются саркастической переделкой фразы из польского национального гимна «Noch ist Polen nicht verloren» («Еще Польша не погибла...»).

³ Отнятую у местного населения.

⁴ Очевидно, Литва (перепутал либо автор, либо его армейский политинформатор). В 1920 г. Польша захватила у Литвы Вильно (Вильнюс) и Виленскую область, после поражения Польши в 1939 г. Советский Союз подарил Литве Вильно (Вильнюс) и прилегающую область (10 октября), которые после 17 сентября были заняты Красной армией в ходе освободительного похода в Западную Украину и Западную Белоруссию.

4 сентября 1939 г

В 5.00 вслед за ночным дозором мы продолжили движение в сторону Кракова. Вчера некоторые из нас погибли, многие были ранены. Огонь вражеской артиллерии против нас. Мы уничтожили ее. Одним словом, я очень верю в наше оружие. Вчера вот уже в который раз поляки готовились биться. Сегодня они продолжают отступать. Они должны встретить нас лицом к лицу и сразиться, как это подобает настоящим мужчинам. Но они и не думают делать это!⁵

Наша дорога на Краков запомнилась горящими селениями, которые подожгла наша артиллерия или мы сами, если встречали там сопротивление. Вчера вечером все окрестности были объаты огнем.

7.00 утра. С 2.30 вчерашней ночи мы ничего не ели. Обычно нам дают на завтрак черный кофе, а на ужин чай и что-нибудь горячее. И на этом все, потому что смалец и ливерная колбаса кончились, и в течение дня мы держимся на свекле, фруктах и т. д. В 9.15 мы наконец получаем кофе. Какой прекрасный у него вкус!

12.30 – 1.00. Очень важный бой против очень хорошо укрепленной польской пулеметной позиции. Наконец нам удалось выбить их оттуда. Я и Штупаритц подобралась вплотную, однако подносчики боеприпасов не смогли пробиться к нам. Бой был упорным. Но мы вышли из него победителями. В 7 часов вечера нам сообщили, что нас отправляют куда-то еще. Наши боевые порядки теперь пополнились. Три дивизии соединились. Дорога на Краков открыта, и мы находимся в 50 км от города. Но мы продолжаем идти вперед. Куда? Остановились в 20.00. Всего четыре дня войны! Но полных опасностей и чудесных новых впечатлений! Сегодня я все еще жив, и ты с Лоре тоже. Все мы!

⁵ Польские армии, развернутые на западе страны («Краков», «Лодзь», «Познань» и «Поможе»), вынуждены были отходить, чтобы избежать окружения.

5 сентября 1939 г

Вчера мы не слишком продвинулись вперед. Может быть, там, на дороге, было слишком много транспорта с войсками, а может быть, у нас пока нет такого приказа. Мы наступали всего полчаса, а потом остановились, на всю ночь встали вместе с грузовиками прямо на дороге. После полуночи прямо через нас в сторону сердца Польши вели плотный артиллерийский огонь. Дорога почти дрожала. Сегодня утром мне снова удалось принять настоящую ванну. Несмотря на то что ночью холодно, как зимой, сегодня выдался чудесный день.

Маркель заколол свинью, приготовил и зажарил ее, приготовил сливовый соус. Потом мы расселись вокруг и начали есть. Но наши мысли были у всех одинаковы. Каждый мысленно был у себя дома. Когда мы снова будем есть дома?

Ах да, я забыл тебе сказать: вчера днем у нас был настоящий пир: куры, гуси, поросята, кролики были забиты и зажарены на деревянных колышках, как на вертелах, и мы жадно и быстро все это поглощали. Но сегодня вечером нам пришлось продолжить наш путь.

11.30. Мы снова в пути. Говорят, что русские уже вошли в Польшу.⁶ Думаю, что война закончится через пару недель. Сегодня нам раздали сигареты – по четырнадцать штук плюс четыре сигары!

Сегодня мы движемся на Добраву. Третьего числа, после того как отменили атаку, мы видели польское противотанковое орудие, польский танк и мотоцикл с водителем. Все это было уничтожено огнем нашей противотанковой артиллерии. Водитель мотоцикла выглядел ужасно. Сегодня опасность снова нас миновала. На обочине дороги – небольшой холмик, на нем – простой крест и цветы. Здесь похоронили одного из поляков. Он выполнил свой долг.

Мы ехали всю ночь. Этой ночью до нас дошли еще два слуха: (1) что англичане вроде бы бомбили Кельн и Кенигсберг; (2) что поляки атаковали одну из колонн Красного Креста. Все погибли. Если это правда и я встречу поляка, виновного в этом, то, кто бы он ни был, он за это ответит. Убивать беззащитных раненых, лишившихся всего людей, которым, по международным законам, никто не должен причинять вреда! Не может быть ничего более варварского. Сегодня я все еще жив, как и ты с Лоре!

⁶ Красная армия вошла в Польшу (на оккупированные поляками в 1919–1920 гг. земли Западной Украины и Западной Белоруссии) только 17 сентября, когда польское правительство бежало в Румынию.

6 сентября 1939 г

В 4.00 утра мы снова выступили в путь. Сначала мы вернулись в Рабку, а теперь снова едем на восток. На Лемберг.⁷ Ночь была холодной, но короткой. Мы провели ее в машинах. Думаю, что сегодня нам позволят написать письма. Тогда, быть может, я растянусь на траве и буду писать своей любимой жене...

12.00. Остановка. Нас обстреляли. Мы как раз проезжали через Ной-Сандец (Новы-Сонч. – *Ред.*). Маленький городок, который этой ночью все еще находился в руках поляков. Здесь, в Липнице, мы встретили польскую семью, у которой было с избытком разного имущества. Когда они увидели, что никто не собирается причинять им вреда, они захотели подарить нам гору шоколада. Мы поблагодарили и отказались, помогли им и дали хороший совет. Эти люди были полны радости, и теперь они, конечно, больше не верят, что немцы варвары.

Отделение, которое нас обстреляло, мы взяли в плен. Потом мы захватили в плен еще шестерых, которые сдались сами. Они рассказали, что не ели уже три дня. И что другие польские солдаты, которых мы преследуем, ушли 8 часов назад. Все это создает у меня впечатление, что польская армия поспешно спасается бегством, оставляя на позициях лишь немногих, задачей которых является слегка обстрелять нас и тем самым задержать. И эту задачу они выполнили на сто процентов. На рассвете мы были уже в Галиции, на земле, где в 1914 г. шли яростные бои.

14.00–16.00. Перестрелка с польскими пулеметами и противотанковыми орудиями. Много пленных, многие бежали. До города Тарнува, нашей цели, осталось 50 км. Преследуем спасающихся бегством поляков и загоняем их в ловушку на следующем холме. Открываем ураганный огонь. Когда мы уже собирались штурмовать высоту, к нам пришел поляк с белым флагом. Он сдался. Все остальные уже успели уйти. Оказалось, что этот солдат – фольксдойче. Он показал нам свою винтовку, из которой не стрелял. А должен был. Что за судьба! Немец, которого заставили стрелять в немцев. На время мы взяли его к себе в машину.

Вечером поездка продолжилась. Нам пришлось проехать через несколько селений, и мы готовы к тому, что сбежавшие от нас поляки будут в это время в нас стрелять. Мы, все наше подразделение вместе, проехали примерно 30 км. Я со своими людьми ехал в третьей машине. Одна деревня, вторая, третья. Ничего не произошло.

23.30. Вдруг на нас обрушивается целый град пуль. Водители и остальные выпрыгнули из машин и бросились в канавы. Мы все замерли на месте. Выстрелы, выстрелы. Две передние машины переехали мост – снаряды, пулеметные очереди, выстрелы винтовок... в течение десяти минут над нами свистели пули. Потом наконец с нашей стороны тоже открыли огонь. Похоже, пришло спасение. За нами шли двести машин, каждая из которых была полна нашими товарищами, и все они стреляли. Пятнадцать минут. Затем – короткая пауза. Я схватил свой MG и одним броском оказался в канаве, после чего открыл бешеный огонь. Думаю, что даже вся польская армия не смогла бы захватить мою машину.

Прошло довольно много времени, прежде чем огонь стих. Потом я пошел обратно к своим. Я должен был обеспечивать их безопасность всю оставшуюся ночь. Поляки долго беспорядочно отстреливались. До утра... Сегодня я узнал нечто такое, от чего бросило в дрожь. Представьте себе, нам стало известно от пленных, что, если бы мы продолжили ночную езду, нас должны были атаковать. И вот, несмотря на это... Я уже успел попрощаться с этим миром, но меня спасла ты, любимая Хенни, цветы нашего свадебного букета, или фотографии, а может

⁷ Львов – город, основанный в 1256 г. князем Даниилом Галицким и названный в честь своего сына Льва. В 1387–1772 гг. в составе Польши, в 1772–1918 гг. в составе Австрийской (с 1868 г. Австро-Венгерской) империи, где его и называли Лембергом, в 1918–1939 гг. – Польши, с 1939 г. – Украины (до 1991 г. в составе УССР).

быть, твои письма, которые я вожу с собой. В любом случае я все еще жив, как и ты и Лоре.
Мы все!

7 сентября 1939 г

Сегодня наконец нас снова вернули в резерв. Утро мы посвятили чистке оружия и помывке. Сегодня по автомобильному радиоприемнику до нас дошла новость о взятии Кракова. Неужели это правда? Я бы написал тебе прямо сейчас, но нам нужно идти вперед. На Тарнув (сейчас 10 утра).

В 12.00 мы сделали остановку. Я со своим пулеметным отделением получил приказ идти вперед. Докладываю в штабе эскадрона, докладываю в штабе батальона, потом в штабе полка, где меня ждал заместитель командира эскадрона.⁸

Нам доверено действовать в качестве передового дозора дивизии. Мы должны выяснять, куда отходит противник и т. д. Необходимо разведать 12 км перед основными силами. Если учитывать путь вперед и назад на местности, следует добавить сюда еще 30 км. И мы все еще не ели. Тарнув должен быть взят завтра утром. В любом случае нам доверили очень важную работу.

Это было ужасно, мы преодолели около 20 км, но на всем этом пути почти ничего не обнаружили. Большая часть главных сил противника отступила. Мы хотели узнать, по какой дороге они отошли и в каком направлении отступают. Мы держимся в пределах 10 м от дороги. Впереди идет Штупаритц, который должен понаблюдать за колонной, что следует по дороге. Вот он, сбивая дыхание, бежит назад. Это поляки! Судя по карте, они следуют на север, а потом – на восток или на запад. Если они свернут на запад, то напрямик наткнутся на наш наступающий 1-й батальон пехотного полка. Это было бы ужасно! Мы должны узнать, куда поляки намерены свернуть. Вверх на холм. Лейтенант Вакерман предложил нам вернуться и точно узнать, действительно ли следующая по дороге колонна является польской. Мы держались вдоль придорожных канав. Мимо с ревом проносились машины. Никакого освещения. Пыль, пыль. Никак не могли ничего опознать. Потом мы услышали, как неподалеку в нашу сторону ехал мотоцикл. Мы решили остановить его. Если это поляк, мы пристрелим его, а если это один из наших, значит, все хорошо. Мотоцикл приближался. Но оказалось, что мотоциклов целых три. Один из нас остановился на дороге и подал сигнал красным светом. Остальные тоже остановились. С пистолетами и винтовками мы бросились к ним. Это немцы!

Наша задача была выполнена. Теперь нужно передать сведения в дивизию. Как бы нам поскорее добраться туда? Мы останавливали одну машину за другой. Наконец нам попала машина инженерно-саперного подразделения 9-го разведывательного полка.⁹ Это необычно высокие грузовики, очень мощные. Разумеется, мы едем, не включая фар. Штупаритц и я на одном из грузовиков, остальные – на других машинах. Осторожно! Прямо в мою сторону переворачивается один из грузовиков... он выкатился за насыпь и упал с десяти метров. Я с трудом выбрался из образовавшейся каши. Мои ноги сушили мне ад. Где Штупаритц? Я криком подзываю его и слышу: «Сюда, сюда!» Я отшвырнул все, что оказалось поверх него, расстегнул его ремень, потом шинель. Похоже, у него было сломано несколько ребер. Я сам еле мог идти. Мне будто кто-то выкрутил обе лодыжки. В 3 часа утра мы добрались до штаба дивизии, а в 4.30 – до нашего эскадрона. Хотелось есть, пить, спать... и как же нам холодно! Я все еще жив сегодня, как и ты, и Лоре. Все мы!

⁸ Следует помнить, что в немецкой армии кавалерийские соединения состояли из Schwadron, Abteilung, Regiment, что соответствует эскадрону, батальону, полку.

⁹ Так в тексте, очевидно, батальона.

8 сентября 1939 г

Мы стоим на дороге и приводим себя в порядок. Тарнув был взят еще ночью. Что теперь? Говорят, что польское правительство бежало в Финляндию.¹⁰ Краков, Бромберг (Быдгощ), Грауденц (Грудзендз) и я не знаю, что еще, – находятся в руках немцев. Сегодня я написал тебе. Немного, но на большее не было времени.

В полдень мы отбываем. Через Пильзно, Дембицу. Я не знаю, куда мы теперь едем. По дороге встречаем много пленных, видим разбитые в куски и разорванные тела солдат, технику и оружие всех видов. Мы движемся в Жешув. Почти на каждом перекрестке мы натываемся на трупы солдат и лошадей, которые лежат там ровными рядами прямо под открытым небом – результат налетов наших бомбардировщиков. В другой раз перед нами прошла огромная толпа поляков: пленные. Где-то посреди дороги мы делаем остановку и ночуем прямо в машинах. Я должен оставить свой MG и принять на себя обязанности командира, поскольку Штупаритц лежит в госпитале с переломанными ребрами. Сегодня я жив, как и ты, и Лоре. Все мы!

¹⁰ 8 сентября поляки сражались – вечером этого дня они отбили атаку немецких танков в предместьях Варшавы, после чего город держался до 28 сентября. А польское правительство бежало из страны 17 сентября – в Румынию.

10 сентября 1939 г

Мы продвигаемся вперед ужасно медленно. Дороги не поддаются никакому описанию. И трупы поляков на каждом шагу. Пыль глубиной как минимум по колено. Нашему грузовику это совсем не по нраву. Эскадрон продолжает двигаться вперед. Когда мы снова садимся в машину, то целыми часами безуспешно ищем свой эскадрон.

Напарник нашего водителя Хофер вновь доказал свой полный идиотизм. Мы ехали через большой город, который вчера утюжили наши бомбардировщики. Несколько часов назад наше подразделение захватило тысячу пленных. Тысячи беженцев. Гражданские. Мы едем через город. На железнодорожной насыпи все еще можно было видеть польских солдат, удиравших по направлению к Пшемислю (Перемышлю).¹¹ Для обеспечения обороны на насыпь установили пулеметы и посадили наблюдателей. В вагоне перед нами также установили MG. Хофер попрежнему хотел ехать в сторону Пшемисля. Сначала его не пропускали. Но в конце концов он прорвался, но после того, как мы проехали километров восемь, Хофер убедился, что это не принесет нам ничего хорошего. Наконец он развернулся.

Несколько часов назад наши солдаты ушли дальше, но Хофер обратился к нескольким полякам, чтобы выяснить, куда ушло наше подразделение. Идиот! Наконец он последовал моему совету и навел справки в штабе полка, который мы обнаружили где-то по пути. Там мы узнали, что наше подразделение еще не прибыло, но это произошло оттого, что оно проехало мимо. Это стоило нам три лишних часа езды в клубах пыли.

Хотелось пить и умыться. Мы вошли в один из домов, где нам удалось раздобыть молока, которое надоили от коровы прямо на наших глазах. Чудесно! У этой женщины совсем не оказалось хлеба. Мы поделились с ней тем, что был у нас, так как как раз хлеба у нас было больше, чем нужно. Она не хотела его брать, так как поляки и евреи внушили этим простым людям, что вся еда, полученная от нас, немцев, может быть отравлена. Пришлось есть хлеб у нее на глазах, чтобы развеять ее опасения.

Я только что узнал, что вчера в час пополудни выступал с речью Геринг. Он, как пересказывали, заявил, что эта война закончится через три-четыре дня.

В четыре часа дня прибывает наш эскадрон. Мы присоединяемся к нему и едем в следующий поселок. В Радымно прибыли несколько поездов с беженцами. В товарных вагонах засели польские солдаты, которые открыли по нам огонь. У нас насчитывается уже двадцать раненых.

Затем прилетели наши самолеты, которые отработали по поездам и по железнодорожной насыпи. Все рванулись из вагонов прямо к нам в руки.

Мы глубоко гордимся нашей авиацией. Я думаю, что самое прекрасное чувство, которое может испытывать человек, – это любовь и гордость. Я ставлю оба эти чувства на один уровень, и это правильно. Потому что для того, чтобы чем-то гордиться, нужно это любить. Нельзя гордиться чем-то – вещью, человеком или животным и т. д., если ты не любишь это. И мы любим свое люфтваффе и гордимся им.

Сегодня я пока жив, как и ты с Лоре! Все мы!

¹¹ Пшемисль – древний город, с конца X в. в составе Киевской Руси, Галицко-Волынского княжества, с 1340 г. – Польши, с 1772 г. – Австрийской империи, австрийская крепость, в 1915 г. взятая русской армией, позже оставленная. С 1918 по 1938 г. в составе Польши, затем Украины (в составе СССР), в 1941–1944 гг. оккупирован немцами, в 1944 г. освобожден Красной армией, в 1945 г. передан Советским Союзом Польше.

11 сентября 1939 г

Рано утром появились польские разведывательные самолеты, но они летели так высоко, что нашим зениткам их не достать. Мы все еще лежали в поле. Я спал. И увидел такой глупый сон.

Война идет около Вены. В Мауэре. В полдень я иду к тебе, желая взять тебя с собой и все тебе показать.

Потом я проснулся: в сотне метров передо мной, на высоте не больше 50 м, летит польский разведывательный самолет. Я схватил винтовку и выпустил в него одну, две, три, пять пуль. Все без толку. Потом прилетели два немецких самолета-преследователя, навязали ему бой, и через пару минут с ним было покончено.

В 4.00 нас подняли и перебросили на другую позицию. Естественно, нам пришлось заново окопываться. Сегодня был взят Ярослав.¹² Враг отступает большими массами и, вероятно, прибежит прямо к нам в руки. Вечером нам наконец удалось поесть. Я пошел и получил свою порцию, которую сам налил себе из котла. Рядом стоял наш лейтенант, который сказал:

- Прюллер, не вылавливай лучшие кусочки, как будто ты у себя дома.
- Дома мне не приходится делать это. Лучшее достается мне автоматически.
- Она так вас любит?
- Разумеется, герр обер-лейтенант.

Разве нет, Хенни? Ведь ты действительно очень меня любишь?

Ночь мы провели, окопавшись в поле. До сих пор нам везло: все еще не было настоящих дождей. Сегодня я все еще жив, и вы с Лоре тоже. Все мы!

¹² Ярослав – древнерусский город, основанный в 1031 г. киевским князем Ярославом Владимировичем Мудрым. С XIV в. в составе Польши.

12 сентября 1939 г

Нас подняли в четыре часа пополудни. Потом нам позволили разойтись, и мы начали двигаться на Лемберг [Львов]. После неудобного ночлега у меня так болит спина, что я едва могу стоять прямо. Зато мне удалось помыться. Впервые за пять дней! Утром нам пришлось обогнуть поселок (Краковец¹³), потому что он до сих пор находился под обстрелом нашей артиллерии.

1.00. Нас обстреляли два польских самолета. Наши зенитчики взяли их на прицел, и вскоре один из самолетов был сбит. Неожиданно появились два немецких истребителя, навязали бой оставшемуся поляку, и через минуту он упал, объятый пламенем. Короткое, но прекрасное зрелище!

В 16.00 мы сделали привал после того, как преодолели ровно 20 км. Мы расположились вокруг поселка, в котором до сих пор идет бой. Только что узнал о новом слухе: предполагается, что в Германии объявят всеобщую мобилизацию. Англия и ее доминионы, по слухам, объявили нам войну.¹⁴

Я считаю, что это нонсенс. Потому что от Польши мало что осталось. И перед кем Англия и Франция должны будут выполнять свои обязательства? Уже слишком поздно для этого. С этой войной одна сложность: ты никогда не можешь услышать о чем-либо точно, поэтому вынужден зависеть от слухов. Однажды здесь появилась солдатская газета, специально для нас... но такое было всего один раз!

Одного из наших товарищей, который заблудился на своей машине, застрелили поляки.

Пассажирам машины, у которых не было оружия, удалось бежать. Маркля и его машину искали целую неделю. Он отправился в дивизию и после этого не возвращался. От другой машины, которая сломалась в дороге и была обнаружена несколько дней назад, остался один скелет. Гражданский, которого мы арестовали, был отпущен после того, как его тщательно допросили. Но, выйдя на свободу, он отправился в ближайший лес, откуда снова открыл по нам стрельбу. Водитель мотоцикла, чинивший свою машину, был зверски подло убит прямо на дороге. Его тело было совершенно изуродовано. На семерых солдат, ожидавших команды продолжить путь на своей машине, напали целой деревней. Им выкололи глаза и кастрировали. Колонна Красного Креста, врачи и ассистенты, а также раненые – всего 180 человек, из которых ни один не был вооружен, – были убиты. И слова «убиты» явно недостаточно, чтобы описать то, что с ними сделали!

И это единственные «подвиги», которыми могут гордиться поляки.

Трусы, трусы – вот кто они! Невозможно заставить их принять настоящий бой.¹⁵ Но зато они хороши в убийствах! Если на моем пути попадется хоть один вооруженный гражданский, я собственными руками оторву ему голову. Клянусь, что я сделаю это!

Мы уже успели проехать через множество поселков и повсюду видели одну и ту же картину: дома, которые подверглись огню нашей артиллерии и были охвачены огнем. Бездомные семьи, плачущие женщины и дети, которых ничего не ждет в будущем. Не думаю, что ответственные господа в польском правительстве, которые в своем безумии навлекли несчастья и беды на польский народ, смогут когда-нибудь в полной мере ответить за свои действия.

¹³ Ныне в Львовской области Украины.

¹⁴ Слухи были запоздалыми. Англия объявила войну Германии еще 3 сентября в 11 часов утра (вечером это сделала и Франция). 3 сентября войну Германии объявили Индия и британские доминионы Австралия и Новая Зеландия, 6 сентября Южно-Африканский Союз, 10 сентября Канада.

¹⁵ Это неправда, поляки храбро сражались на Бзуре, в Хеле, в Варшаве, Модлине, везде, где были для этого возможности. Здесь же они уклонялись от ударов подавляюще превосходящих сил вермахта.

Я виню министра Рыдз-Смиглы¹⁶ в совершении бессовестного мошенничества самым безответственным образом. Я хотел бы еще сказать вот что: мы воюем не только за наши собственные права. На самом деле мы воюем и за бедный польский народ, который правящая клика лишила любого намека на цивилизацию и культуру. Представьте себе город с населением 30 тысяч жителей, где нет даже гранитных или каменных мостовых, не говоря уже об асфальтовых дорогах. Грязь. И ничего, кроме грязи. Вам стоит только взглянуть на дома польского крестьянского населения, в которых оно вынуждено жить, подумать о сотнях тысяч неграмотных здесь, в Польше. И вполне естественно, что «общественный прогресс» проходит здесь именно точно такими же темпами. Мужчина получает 70 грошей за целый день тяжелых работ на ферме. А это даже меньше, чем 40 пфеннигов!

Таким образом, теперь нашим долгом является освобождение польского народа от всего этого свинства, чтобы под нашим руководством он превратился в одну из самых счастливых наций на земле.¹⁷

Вечером мы продолжили наш путь. До трех часов ночи. Но и тогда мы успели проехать не так уж много. С учетом постоянных объездов, плохих дорог и дорожных происшествий, что происходят каждые десять минут. Грузовик с боеприпасами для колонны машин подразделения тяжелых пулеметов упал с четырехметрового склона. Сегодня я все еще жив, как и ты, и Лоре. Все мы!

¹⁶ Эдвард Рыдз Смиглы (1886–1941) – генеральный инспектор армии, фактический диктатор Польши с 1935 г., маршал (1936). В 1939 г. главком польской армии, бежал в Румынию, где был интернирован, бежал в Венгрию, в октябре 1941 г. вернулся в Варшаву, участвовал в движении Сопротивления, умер от сердечной недостаточности.

¹⁷ Неоднократно по ходу дневника автор высказывает подобные мысли по поводу других народов, которые надо завоевать, чтобы «превратить в...». В кого превратить, подробно сказано у Гитлера в «Майн кампф», в «Плане Ост», и Розенберга и т. д. – частично онемечить, остальных либо истребить, либо довести до скотского состояния с целью ускоренной депопуляции, либо выселить на Восток. Все с целью расчистки «жизненного пространства» для германской нации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.